

Представляем нашему читателю избранные главы из автобиографической книги «42-й до востребования» нашего постоянного автора, члена редколлегии журнала Михаила Тарковского. Публикацию сопровождает статья известного отечественного критика Вячеслава Лютото, раскрывающая писательский замысел, сложно соединяющий художественные и глубоко личные пласты повествования. Полностью книга выйдет в самое ближайшее время в рамках издательского проекта фонда «Возрождение Тобольска» (президент А. Г. Елфимов).

Вячеслав ЛЮТЫЙ

ПРАВЕДНИЦА

*Бабушка, я внял всему, что ты завещала.
Сберегу, не предам и не отдам на поругу ни
раKITного кустика земли родной. Передам за-
вещанное правнукам, яко же приях. Одного не
могу: не тужить по тебе и по детству.*

Михаил Тарковский. 42-й до востребования

Книга Михаила Тарковского «42-й до востребования» уводит читателя от прежде знакомой прозы автора, где многие детали, представляя собой замечательный сплав острого художественного зрения и выверенной повествовательной интонации, изображены ярко и весомо. Совсем по-иному организована авторская речь в нынешних воспоминаниях: детство здесь оказывается особым миром, а слово писателя обретает поразительную многоцветность, ни для чего иного не подходящую, как только для рассказа об этом почти не реальном Царстве детской памяти, в котором жестокие страдания оказываются отодвинуты на второй план почти ликующим чувством постижения юной душой окружающего пространства и людей («...в этом прорыве жизненного в сказочное был особый разряд правды»). Удивительным кажется способность рассказчика сохранить в сознании и достоверно передать малейшие приметы давно ушедших дней. При чем сделать это настолько индивидуально и отчетливо, что образы родных и просто знакомых становятся зримыми, обретя на бумаге черты характера и неповторимую человеческую повадку.

Главной фигурой этого развернутого мемуарного произведения становится бабушка автора — Мария Ивановна Вишнякова*. Ее облик освещает практически все страницы и локальные сюжеты книги. Исподволь и бессознательно она хранит в себе множество драгоценных черт как русского человека в целом, так и русской женщины, прошедшей через море тягот и лишений, однако сохранившей

* Мария Ивановна Тарковская-Вишнякова (1907—1979).

в душе чистоту и любовь, терпение и самоотверженность, заботу и непостижимую теплоту, которая позволяет нам сказать сегодня, что бабушка Маруся — вот настоящий, не уничтожимый движением дней, а растворенный в его течении Дом маленького героя: «У Маруси характер. <...> Мягкость в любви к людям, а железо в защите этой любви». У нее были свои привычки и особенности речи, она чутко воспринимала смыслы, ей нравилась игра слов. Но записи ее дневника хранят фразы короткие, сдержанные, говорящие о самых главных событиях и о самых важных чувствах.

Скучные довоенные годы, лихолетье войны, мирное время — здесь рядом с бабушкой ее сын, которого автор впоследствии называет Дядя Андрей* (всё — с прописной буквы), и ушедший из семьи муж Арсений — Асик**. Будто незная читатель понимает, что перед ним — режиссер Андрей Тарковский и его отец — поэт Арсений Тарковский. Немало места уделено их психологическим портретам, творческим пристрастиям, житейским привычкам, однако центральной фигурой и главным действующим лицом все равно оказывается бабушка — и маленький внук, который спустя годы оживит ее на страницах своей книги. И в сознание закрадывается крамольная и, наверное, слишком прямая мысль: соизмерение «подвига жизни» бабушки Маруси с творческим трудом отца и сына Тарковских, как ни странно, все же — в пользу бабушки... Именно в ней воплотились уникальные качества русского человека — служение и воля, что так потрясает в кадрах военной хроники из фильма Андрея Тарковского «Зеркало», когда измученные солдаты тянут тяжелые артиллерийские орудия по пояс в холодной воде.

«Простые люди»... Какие они? Несложные? Не умеющие за собой наблюдать? Когда я слышу это словосочетание, вижу простой карандаш, дающий аскетичный и выразительный рисунок, рядом с которым цветное обилие кажется избыточным. Вот и бабушка была как простой карандаш, хоть и происходила из высшего сословия. Графит у этого карандаша был очинен нежно и трепетно и мог сломаться при грубом нажатии. Бывало, и ломался, и крошился, но, когда крошку сдувало — оставались картины».

Сам язык, которым автор живописует события и героев, постоянных и мимолетных, течение дней и подробности историй, происходящих со своими и чужими, природу, воплощенную в лесном массиве, огромную и непредсказуемую реку Волгу, — этот язык не перегружен плотностью изобразительных штрихов, в нем всегда есть пространство для дыхания читателя и рассказчика. Его вольность и обширность оказываются наибольшим удовольствием при чтении, превосходящим удовлетворение от познания многих биографических деталей, ранее мало кому известных. Детская «волшебность» восприятия реальности переплетается с конкретикой, придавая ей дополнительные свойства и смыслы, как бы расширяя окружающий мир. Жанр воспоминаний здесь обретает теплоту и свободу в выборе тем и ситуаций. Обаяние этого повествования — в его погруженности в «незримую тягу прошлого», что отодвигает текст от литературного дневника и приближает его к художественной прозе.

«В эту минуту деревянно-раскатно досыпался гром в огромный ларь за полем, и бабушка, придя в свое восхищенно-эпическое состояние и дрогнув

* Андрей Тарковский (1932—1986) — советский режиссер, сценарист («Андрей Рублёв», 1966; «Солярис», 1972; «Зеркало», 1974; «Сталкер», 1979). Народный артист РСФСР (1980).

** Арсений Тарковский (1907—1989) — русский советский поэт, переводчик.

голосом, сказала, что это Илья-Пророк на телеге прогромыхал по каменно-крепким облакам. И еще что-то такое старинное и уходящее в громовую даль веков, что и меня самого потянуло туда могуче и ясно, и я дрызглыми ремешками сандалек ощутил эту спасительную глубину, и показалось — чем крепче врассту стопами в отчую древность, тем легче мне будет выглянуть, свеситься в окошко нового дня. И не выпасть».

Социально-бытовые картинки эпохи не заслоняют фигуры бабушки и ее внука. У них — какая-то особенная история, протяженная семейная легенда. Поступки и вещи, ценные для них, кажутся всем иным незначительными и нарочитыми. И мальчик постепенно понимает: «мы с бабушкой совсем из другого мира». Хотя, по видимости, он не отличается от остальных сорванцов и понимает важное для мальчишки значение «вида бывалого, у которого главное выражение: набедокурил и еле вырвался». Но в детской душе постепенно складывается твердая система ценностей и смыслов, переходящая от старого к малому, сохраняющая золотую сердцевину православного и русского самопонимания.

Много внимания автор уделяет детству Дяди Андрея — оно присутствует в книге своего рода параллелью к детской летописи дней самого маленького Миши. Наглядно различие этих страниц — и смысловое, и стилистическое. Тяжкие дни войны, лишения и беды, скудость еды и тепла — Андрей Тарковский, как никто, показал в «Зеркале» впечатления ребенка военной поры. Примечательно, что в «42-м до востребования» рассказчик создает свой текст словно на фоне кадров этого поразительного по искренности фильма. Было бы неправильно представлять тяжкие времена совсем без света и человеческой надежды на лучшее. Поход бабушки, Андрея и его сестренки за ягодами в лес — из этого эмоционального ряда. Здесь — ясность детского сознания, ничем не разрушаемая радость бытия, простота обихода... Однако сдержанность авторского языка, кажется, приглушает краски реальности — тут не найти безграничной свободы и выразительности повествования, что так чаруют читателя в первой части книги («...сами события словно выросли, обретая биографическую трезвинку»). Именно так, с чувством внутренней сдержанности, Михаил Тарковский пишет о Дяде Андрее — художнике бесстрашном и трагичном. «Дядька говорил, что, когда хочет сказать близким хорошее, на него как столбняк нападает. Мне это знакомо с ранних лет, и связано оно с боязнью, что мама расплачется, растрогается и я этого не выдержу. Так и не смел, боялся тронуть сокровенное, от чего дрогнет голос матушки и подбородок возьмется мелкой ямкой — точь-точь как на персиковой косточке. <...> А дядька, выходит, только в жизни боялся ямок на подбородке. А в картинах — нет. И брал выше себя, и мать тащил туда, где образ сильнее времени и где сам только и был человеком». О фильмах Андрея Тарковского автор упоминает вскользь, речь идет более о душевном мире режиссера, о его творческих правилах, обиходе... Мягко и бескомпромиссно создается портрет, в основе которого — человек, а не свод идей и интеллектуальных устремлений. Чувство такта и родство позволяют рассказчику быть правдивым и точным, что так важно на фоне многочисленных свидетельств, в которых бывают лукаво смешаны выдумка и расчет, черствость замысла и стремление к скандалу. Движения сокрушенного сердца и печального ума странно соединились в реальном существовании и творческом пространстве Андрея Тарковского. «Обаяние у бабушкиного сына было нечеловеческое. Облик неповторимый.

Резок был и мягок одновременно. Крайне графичен на портретах, а в жизни поражал подвижностью черт. Улыбался глазами, собирая и распуская морщинки. Глаза — серые в зелень и необыкновенно живые, искристые, и вокруг них свое трепетное поле. На бабушку не похож. Очень широкие выдающиеся скулы, переходящие в торчащие углы челюстей. Кожа какая-то будто тонкая — такая должна плохо жизнь держать».

Еще один художник в родовом окружении бабушки Маруси — поэт Арсений Тарковский (по-домашнему Асик), фигура значительная в истории русской литературы второй половины минувшего века. Тайна его творчества до конца не разгадана, но роковой гипнотизм многих строк Арсения Александровича с течением лет не развеивается, а, кажется, обретает уже бытийное измерение, отвлеченное от частных событий действительности. Отец Андрея Тарковского и муж Марии Ивановны Вишняковой, на страницах книги он предстает житейским и богемным человеком, отважным фронтовиком — и усталым стареющим литератором. Однако в нем, наряду со многими легкомысленными артистическими поступками, живет строгий кодекс православного русского человека, для которого честь, мужество, чувство долга — более чем весомые слова.

Присутствие Асика в трудном житье-бытье бабушки Маруси было постоянным, но с годами — все более удаленным. Он напоминал о себе то приездом, то письмом, то воспоминанием и грустью. Быстротечность мгновений поймана Арсением Тарковским в стихотворении «Вот и лето прошло...», которое так любил Дядя Андрей — и всем существом своим ему соответствовал.

Книга Михаила Тарковского показывает читателю много неожиданного в облике двух художников, которых можно назвать его предшественниками в искусстве и литературе, и шире — в творчестве, в художественном вопрошании, во внимании к человеку и времени. Но все же в повествовании «42-й до востребования» Тарковские — и поэт, и режиссер, и сам писатель — в высоком смысле слова оказываются только Наблюдателями за мечущейся, страдающей и ликующей жизнью. А самой неотъемлемой и главной ее частью становится бабушка Маруся. Простая русская женщина — Праведница.
